

Приложение к «Речам к немецкой нации»

Применение красноречия к настоящей войне

Современные люди находят красноречие часто и в том, что не высказывается словами. Здесь под красноречием мы понимаем, прежде всего, действительно произносимые речи; об упомянтом только что мы станем говорить ниже.

Что с давних пор повсюду, где было красноречие, и были уши, чтобы слышать его, это красноречие воодушевляло и воинов к победе на войне, и что нередко одно слово разбивало целые армии, – это известно из истории, и если бы даже мы могли забыть об этом, это показал нам наш враг, вплоть до самых последних событий.

Правда здесь предполагают, и справедливо, что в нынешней войне нигде – от главнокомандующего до последнего подчиненного, не было надобности в ободрении и воодушевлении, ибо сердца всех и так уже довольно пылали, воспламененные причиной, подобной которой не бывало еще в истории. Однако все-таки и теперь, независимо от этой задачи, у красноречия остается цель гораздо более чистая и прекрасная – сгустить уже возгоревшийся пыл в постоянное, свободное и обдуманное пламя, и сохранить священный огонь, так, чтобы он целесообразно разгорался более с каждым мгновением. Красноречие в этом духе, предполагая уже имеющееся понимание, рассчитывает только на первых в войске, и на лучших, на тех, кто способен к ясному и чистому осмыслению себя. Оно, не воспламеняя изначально, способно только вновь представить созерцанию то, что действительно являет собою лучший человек и как он, в душе, мыслит; оно хочет только выяснить для него в слове то, что в непрерывной деятельности ускользает от взора действующего, удерживая в нем для постоянного созерцания тот прекрасный образ, что зародился в нем в минуту наибольшего воодушевления; оно хочет только поразмыслить о том же, о чем так же точно поразмыслил бы сам с собою каждый, если бы только у него было время на это, и тем самым укрепить это размышление для большей ясности его сознания о себе в жизни, для непоколебимой последовательности его деятельности согласно этому образу, как и для того, чтобы облегчить ему сообщение этого образа другим.

Тот, кто взялся бы теперь исполнить эту задачу оратора, обязан был бы прежде всего доказать, что он сам понимает значение этой войны, и что интерес этой войны владеет им более, чем интерес его собственной жизни или какой-нибудь иной интерес. Автор настоящего проекта рассматривает предстоящую войну вот как: В этой войне должен решиться вопрос о том, сохранится ли и будет ли далее прирастать по законам человеческого развития все то, чего тысячекратными жертвами добилось человечество от

начала – порядок и умения, нравы, искусство и наука, и радостные взоры на небо, – или все то, что воспевали поэты, что мыслили мудрецы и что совершили герои, должно погибнуть в бездонной пропасти произвола, вовсе не ведающего, чего он хочет, и знающего только это свое безграничное и железное хотение! Решение этого вопроса выпало, наконец, после неудачных попыток других, на долю тому государству в Европе, которое более всех прочих преуспело в обладании всеми теми благами человечества, которые поставлены теперь на карту, и которому должно быть важнее, чем кому бы то ни было, сохранение их; словно бы именно с этой самой целью развивалось оно и сохраняло свою значимость в новейшее время.

Вопрос в том, знает ли предлагающий свои услуги оратор, каким образом может быть победоносно решена эта великая задача? Автор знает, что он не может жить, если не будет обладать тем, что поставлено теперь на карту, и что только надежда содействовать чем-нибудь достижению этой цели, отрывает его от занятий, которые намного более возбуждают его деятельность, и заставляет предлагать ныне свои услуги на другом поприще.

Что касается внешней формы, то, если бы в нашу эпоху, когда все обновляется и враг угрожает нам новым злом, шествующим к нам в революционной форме, непривычная новая форма покажется вызывающей, автор охотно ограничился бы старой и привычной формой проповеди (что с внешней стороны будет тем легче сделать, что он некогда изучал богословие и неоднократно говорил проповеди); хотя более свободная форма, в какой выражается красноречие светского государственного оратора, кажется ему более соответствующей нашему времени: государственного оратора, вокруг которого собирались бы в определенные дни, скажем по воскресеньям, лучшие люди в обществе, чтобы серьезно и торжественно поразмышлять о своем ближайшем великом предназначении, на указанном выше материале, который обещает, кажется, неиссякаемый предмет для разговора.

Вот что хотел я сказать о непосредственном красноречии, которое животворит сильнее всего, излучаясь на публику лицом к лицу.

Что касается другого рода красноречия, которому нужны буквы, как средства, то следует издать прокламации к армии, или для того, чтобы разумно и со всей определенностью и различием признать и похвалить в них правильное, или же, не просто угрожая, но в то же время и убеждая их волю, советуя им сохранять в тех провинциях, которые они проходят, самообладание, благонравие и порядок. Следует издать прокламации к населению провинций, захваченных нашим походом, в которых бы мы знакомили их с нашим намерением, заключающимся не в том, чтобы ограбить или поработить их, но в том, чтобы возвратить им мир, свободу и спокойствие, и внушали им согласие с этим намерением.

Хотя это и выходит за границы той задачи, которую я намерен взять на себя, однако я желал бы все-таки, чтобы, при упоминании задачи таланта в этой войне за человечество, мне было позволено для полноты картины прибавить, что, как мне кажется, при объявлении ее также нужно будет издать манифест, который бы громко и недвусмысленно выражал цель этой войны, в непревзойденной для нас самих форме защищал бы нас от подозрений в каких бы то ни было иных намерениях, и решил бы таким образом в нашу пользу общее

мнение Европы, – небезупречного союзника, и лучшего союзника, какой может быть у нас ввиду характера настоящей войны. Мы должны будем признаться себе, что пора, наконец, удалить от этой священной борьбы все проекты мелочно рассчитывающей кабинетной политики, – и если мы действительно решились вступить в эту борьбу, то эту свою решимость мы должны подтвердить и недвусмысленно засвидетельствовать делом!

Речи к немецким воинам в начале похода 1806 года (фрагмент)

Вступительная речь

Кто такой оратор? Помимо прочего, он посланец науки и таланта. Вы знаете, что все состояния вверили вам самые дорогие свои интересы, безмолвно взывая к вам. желая защитить ваше движение вперед, ваше здоровье и благополучие. Вам вверена теперь и наука, и все дальнейшее духовное образование человечества. Наука может говорить, и она говорит; она молит вас словом; но она не молит, она доверительно предрекает вам, – не боясь, что будущее посрамит или расстроит ее надежды, – что предстоит вам совершить также и для нее.

Она окидывает взором все прочие интересы, даже самые священные из них; поэтому она может оценить величие заслуги в том, что будет вами исполнено. Она желает заниматься только высшим, тем, что видит не каждый глаз. Если бы это было ей нужно, она заставила бы и эти, самые священные интересы духа, умолять вас; сейчас же она всего лишь приглашает их в свидетели возвышенности и ценности ваших будущих деяний, истолковывая перед вами на этих высших интересах самый потаенный и сокровенный смысл, облагораживая и освящая ваши деяния значением их для вас самих.

Каким органом пользуется она и объемлемые ею интересы? Человеком, образ мысли и умонастроение которого, по крайней мере, не вовсе неизвестны немецкой нации, но уже более десяти лет зримо обнаруживаются пред нею; за которым каждый признает, по крайней мере, что взгляд его не прилеплялся к праху земному, но всегда искал созерцания непреходящего, что он никогда не скрывал, трусливо и малодушно, своих убеждений, но, жертвуя для них всем, гласно исповедовал их, и образ мысли которого делает его не вовсе недостойным того, чтобы говорить о смелости и решительности в кругу смельчаков. Если он должен удовольствоваться тем, чтобы говорить речи, если он не может сражаться в ваших рядах, и рядом с вами, то в этом повинна лишь его эпоха, которая до такой степени разделила призвание ученого от призвания воина, и образование дельного воина не включает в план образования ученого. Но он чувствует, что если бы он умел владеть оружием, он не уступил бы в смелости никому из вас: он жалеет, что эпоха не позволяет ему, как это было некогда позволено Эсхилу и Сервантесу, подтвердить свое слово могучим деянием, и в настоящем случае, который он осмеливается считать новой задачей своей жизни, он охотнее приступил бы к действию, нежели к слову.

Но теперь, когда он может только говорить, он желал бы, чтобы речь его разила, как меч, как молния. И он не хочет, чтобы речь его текла уверенно и безопасно. В этих речах он

станет выражать истины, сюда относящиеся, со всей ясностью, с какой он их постигает, со всей силой убеждения, на какую он способен, ручаясь за них собственным своим именем, истины, за которые перед судом врага он повинен был бы смерти. Но он не будет из-за этого малодушно скрываться, но перед лицом вашим клянется или жить свободным вместе с отечеством, или погибнуть, если оно погибнет.

Он последовал этому призванию единственно лишь по влечению своего сердца; то, что он говорит – это его собственные воззрения и убеждения, а не такие, которые поручили ему излагать другие, и излагая их, он не имеет никаких иных намерений, кроме этого. Поэтому он хотел бы и отвечать за них сам единолично. – И позвольте ему говорить с вами тем более, что его влечет к этому подлинная потребность сокрыть свои мысли из привычного их окружения в вашем обществе, в вашем образе, как в некоем убежище. Ибо нужно сознаться, и это очевидно: немецкая нация по своей вине, бремя которой могут полностью сложить с себя лишь очень немногие индивиды, навлекла на себя ту участь, которая ныне вложила вам в руки оружие, и она, к сожалению, заслужила то, от чего, я надеюсь, избавят нас теперь ваши победы. Вялость, трусость, неспособность к жертвам и риску, неспособность ставить на карту жизнь и имущество там, где дело идет о чести, – желание лучше терпеть и позволить повергнуть себя все глубже в пучину позора, – таков был до сих пор характер времени и его политики. Это и есть привязанность к праху, которая считает экзальтацией всякую попытку возвыситься над ним и находит ее даже смешной. – Человек чего-нибудь стоит, только когда он рискует жизнью, только если есть в нем воля, которая не склоняется ни перед чем и ничего, даже самой смерти, не страшится. Экзальтация есть единственно достойное уважения, есть подлинно человеческое. А эта тривиальность обыкновенного есть безволие, с которым слишком часто соединяется и безмыслие.

Что же такое характер воина? Он должен быть способен пожертвовать собою; и в нем воспитывают эту способность. В нем не может иссякнуть подлинно нравственное умонастроение, настоящее честолюбие, – возвышение к тому, что выше жизни, выше ее наслаждений. Пусть не найдет к вам доступа расслабляющая теория нравственности, жалкая софистика, – пусть их величайшие и влиятельнейшие приверженцы постараются, по крайней мере, удержать их подальше от вас. – Тот, кто возвысил свой дух спекулятивной мыслью и общением с древними и лучшими среди новейших писателей, и кто стал бы искать кого-нибудь единомысленного себе в действительном мире, – где найдет он его, если не среди вас? Расплывчатость, если только потребовать от нее хоть раз серьезно возвысить дух к идеям, сразу будто бы съежится и сожмется: и смех – вот то указываемое вам сами естественным инстинктом средство против этого непривычного и мучительного чувства, которое позволяет нам вновь приятно расширяться душой. Вы смеетесь в лицо тому, кто предостерегает вас об опасности! О если бы мне удалось впервые высказать перед вами истины о высшем миропорядке, и не услышать сразу же в ответ хохота тех, к кому я обращался!

У вас есть, и вам сейчас представится, случай удостовериться в этой высокой ценности вашего дела. Перед битвой в отношении к войне: не колебаться и желать только войны, но твердо и обдуманно предвидеть все ее последствия. В битве: в пылу и суматохе боя хранить в душе своей твердое сознание, даже умирая, думать о победе, об отечестве, о вечном. Этот случай не представится никому так, так вам теперь: в этом вам можно позавидовать. Но

одним своим примером вы подействуете и на других, внесете твердость и силу и в остальную нацию, в ту часть ее, которая была прежде мертвой и расслабленной. К вам с надеждой обращает свой взор друг человечества, друг немцев. При виде вас поднимается в нем с новой силой поверженная была надежда! – О если бы я мог говорить с вами живым словом, воодушевляясь и сам при виде вас! Но пусть и теперь наша общая любовь пробудит к жизни мертвую букву, и пусть наше общее настроение послужит вам верным переводчиком.

В отношении безымянного [56]

При каких условиях могут возникать династии? Династии новейшего времени возникли из уже имевшихся прежде отношений доверия, а кроме того, из связи подданных с землей. Так было во Франции. В эти чуждые для него права вступает узурпатор: именно в том и состоит существо узурпатора, что он использует для себя вещи, на которые не приобрел права, но которые украл у врага. – Как возникли древние династии, например, римская? Император, который в то же время, вследствие постоянной вражды группировок, упорядочил строй республики. При этом введение наследственности власти произошло, собственно, всего лишь в подражание королям варварских народов. – Нет ли в этом последнем некоторого сходства с нынешним случаем? Но тогда он должен был бы оставить в покое республику и объявить себя лишь протектором, главой этой республики, соединяя в своем лице высшие звания республики, как это сделал Август: а не возлагать на себя новое звание – корону⁵⁷. Он есть в то же самое время и узурпатор прав всех прочих монархов, ибо желает, чтобы его считали подобным им, и тем самым хитростью переманивает на свою сторону их мнение. (Это, может быть, так; но что за честь французам, если они спешат доставить короны и его братьям, достоинство принцев – и его племянникам⁵⁸?)

Правители новейшего времени были собственно только домохозяевами, а их подданные были у них наемными слугами на различных условиях найма; они по крайней мере имели то благо, что умели поддерживать среди подданных порядок с помощью полиции. Вопрос состоит в том: когда подобные новые династии сделаются уже невозможными? Прежде всего: если народ и Европа будет видеть ясно и заботиться об общественных делах. И глубже: если будет возможно государство, и если его будут желать народы. Но государство, согласно своей идее, стремится содействовать достижению цели народа с помощью общей воли. А эти, подобные полиции, государственные заведения предоставляют большую часть этой заботы на собственное усмотрение властителей. – Но в действительности оба эти воззрения весьма близко подходят друг к другу. Можно говорить о безопасности Европы – ведь Он и сам так говорит! – и все-таки иметь в виду при этом только экономическую цель государства. (Мы увидим, что идея государства была впервые развита в особенности в имперском устройстве Германии.) Откуда же тогда взять решающий критерий правого и подлинного настроения?

1). Там, где в личности правителя нет вовсе никаких подобного рода эмолюментов (ничего, кроме содержания), и там, где нет наследственности власти, сама возможность экономической цели совершенно исключена, и побудительным началом может быть только идея общежития (как во всех республиках).

2). Но там, где, например, еще сохраняется наследственная власть, как может все-таки выступить пред нами государство также и там, т. е. как можно было бы приукрасить наследственность власти и как возможно терпеть ее там, где она есть?

Это должна сделать вера, доверие. Ими до сих пор правила эта королевская фамилия, при ней они выросли. Вера именно что взаимна. Здесь как бы божественное призвание, и потому вера в обязанность, заменяющая собою ответственность. Но эта вера никак не может быть свойственна узурпатору. В этом – основное различие.

Кто-нибудь должен, наконец, взять на себя ответственность, если этого не желает сделать, или вследствие форм государственного устройства не вправе сделать, весь народ. Человек говорит: так было угодно Богу, чтобы я жил в монархии (где все прочие люди верят в нее), и чтобы этот человек был моим монархом. Так было угодно Богу, думает монарх, что все зависит именно от моего решения и от способности моего ума. – Не так узурпатор. Для чего же ты втерся к ним в доверие? Ясно, что многое изменилось, что произошло немало несчастий от того, что ты занял это место: но разве ты не думаешь когда-нибудь отвечать за это? Если верно, что французы избрали тебя, то пусть они сами терпят последствия. Но почему же мы, прочие европейцы, которые не избирали тебя, оказались принуждены терпеть твои непомерные притязания? Если бы был у вас наследственный монарх, тогда, по крайней мере, другие наследственные монархи не могли бы на него жаловаться. Но то, что вы из республики впали в наихудшую деспотию, есть преступление вашей трусости перед человечеством.

То, чего человечество не постигает умом, есть в конце концов перст Божий; и даже человек, который лучше знает это, вынужден бывает смириться. А ведь наследственный властитель правит также вместе со своими министрами; если этих министров он выбирает, может быть, руководствуясь общим голосом всей нации, – то ведь в таком случае он негласно учреждает республику (Freistaat). Дело не во внешней форме. Его опорой служит вера его и других и их взаимное доверие.

Это два весьма различных вопроса: чем отличается узурпатор от действительного наследственного монарха, и когда могут возникать новые монархии? Ответ на первый вопрос: наследственный монарх может верить в себя и иметь чистую совесть, а узурпатор – никогда.

(От этой нечистой совести происходит и внутреннее беспокойство и недоверчивость, суеверие и толкование тайных знаков: все эти люди воображают, будто борются с тяжелым роком).

Второй вопрос не следует смешивать с тем, с которым мы его только что спутали: при каком условии могут сохраниться старые династии? Ведь это последний вопрос здесь поднимать не нужно.

Первый же вопрос тесно связан, мне кажется, с нашими понятиями о земельной собственности; а эти понятия – в свою очередь с понятием о человечестве, как органическом целом, или же агрегате индивидов. (Мы предполагаем здесь, что наследственный князь

земли постепенно превратился в правителя народа, и что в народе в целом эти понятия еще смешаны и слиты друг с другом. Впрочем, Roi de France и Roi des Français⁵⁹ – это большая разница; но первый может постепенно стать вторым, и он может утвердиться в конце концов в общем сознании народа и явиться конституционным путем.)

Исторически королевство в первой форме исходило от земли, как земля же служила и доказательством подданства. Здесь, напротив, земельная собственность исходит от королевства: там реализм, здесь идеализм. Там каждый заботится о себе, и хотя все они подчиняются полицейским законам и должны платить налоги властителю земли, но все же их частное владение и его обеспечение есть здесь высшее, и конечная цель государства в этом отношении. Здесь высшее есть нация, общность, и ее цели, и все возникает здесь только из понятия о взаимности услуг. Поэтому там – собственность гражданина на землю как основа всякого владения; здесь же только условное пользование тем, что принадлежит общности, государству.

Поэтому вопрос вовсе нельзя ставить так: при каком условии могут возникать новые династии?, – ибо никакая новая династия вообще возникнуть не может, – но вопрос стоит так: при каком условии может вообще возникать нечто подобное? Основная мысль здесь такова: наследственный монарх встречает в других веру в себя, и совесть его может быть чиста. Если тот, кто учреждает династию, подобен ему в этом и отличается, именно этим же, от узурпатора, то это возможно лишь благодаря тому, что его избирает народ, мирным путем, одновременно с правом передавать свою корону по наследству. Примера монархов совершенно такого рода я в новейшей истории не припоминаю, ведь избрание Ганноверского дома на английский престол опиралось все-таки на соображения родства, и в этих соображениях находило источник ее прав. Но как бы то ни было, новую династию нужно рассматривать как без сомнения легитимную, если ее основатель обязан своей должностью избранию народа.

Версия #1

Зверобой создал 13 апреля 2025 13:27:59

Зверобой обновил 13 апреля 2025 13:32:14